

На следующее утро, когда они собирались спуститься с горы, небо было угрожающе мрачным — чувствовалось, что скоро пойдет снег. Накануне Цин Янь уже почти закончил сборы: осталось лишь погрузить последние необходимые вещи в тележку. В это время Цю Хэнянь тщательно упаковывал одеяла, посуду и кастрюли, а Цин Янь еще раз прошелся по маленькому деревянному домику, убираясь перед отъездом.

Спускаться с горы всегда труднее, особенно по крутым склонам. Цю Хэнянь закрепил веревку на ручках тележки и перекинул ее через плечо, чтобы удерживать груз, практически весь путь идя с отклонением корпуса назад. Цин Янь шел следом, а на особо опасных участках обнимал Цю Хэняня за талию, помогая удерживать тележку и медленно спускаться. Даже Эр Си, их верный пес, словно понимал важность момента: он ухватился зубами за штанину Цин Яня и тянул тележку назад, помогая хозяевам.

Спуск занял вдвое больше времени, чем подъем. К счастью, снег начался уже у подножия горы, иначе мокрая и скользкая дорога сделала бы спуск почти невозможным. Немного отдохнув у подножия, они продолжили путь в деревню.

Однако домой они направились не сразу, а пошли к дому на восточной окраине деревни. Цю Хэнянь постучал в дверь, и вскоре в проеме появилась женщина лет пятидесяти. Она явно не торопилась открывать, раздраженно выкрикивая: «Кто там?». Но, увидев гостей, ее лицо смягчилось, хотя улыбка вышла натянутой. Она окинула взглядом Цю Хэняня, затем его спутника, словно прощупывая их намерения, и сухо спросила:

— О, только с горы вернулись? — при этом ее взгляд быстро скользнул по Цин Яню, но разговаривать с ним она не собиралась.

Цю Хэнянь вежливо обратился к ней:

— Тетушка, — и поднял с земли добычу: косулю и пару рыб. — Вот, это с горы, для вас и старшего брата, к новогоднему столу.

Женщина оживилась, разглядывая добычу, но вскоре ее взгляд переместился на тележку. Там под мешковиной угадывались объемистые свертки, и выражение радости на ее лице сменилось недовольством.

— На этот раз ты неплохо постарался, — сказала она, усмехаясь, но тут же добавила с укором, — У твоего брата старые болячки обострились, разве этого хватит ему для восстановления?

С этими словами она сделала шаг вперед, намереваясь сама заглянуть под мешковину. Цин Янь, находившийся возле тележки, замер в растерянности, но не успел ничего предпринять, как Эр Си, почувствовав чужие намерения, с громким лаем бросился к женщине. Пес был натренирован охотником Лю и действовал инстинктивно: чужакам, пытающимся трогать вещи, не было пощады. Женщина вскрикнула от неожиданности и тут же отступила в ворота своего дома, продолжая ругаться, теперь уже прячась за калиткой.

Цю Хэнянь остался невозмутим. Он поставил добычу на землю, спокойно дождавшись, пока поток брани иссякнет, и сказал:

— Нам еще нужно успеть по делам. Мы пойдем.

Он поднял тележку, и они продолжили путь, направляясь к западной части деревни.

Цин Янь шел рядом, несколько раз порываясь что-то сказать, но так и не решился.

Накануне вечером Цю Хэнянь предупреждал его, что часть добычи придется раздать. Тогда Цин Янь был занят своими делами и воспринял это лишь как информацию. Однако, обернувшись, он заметил, что Цю Хэнянь внимательно следит за его реакцией. И только тогда он понял: это был не просто рассказ, он спрашивал его мнение.

Насколько было известно Цин Яню, в деревне в большинстве домов управление хозяйством лежало на плечах жен. Мужчины занимались работой вне дома, зарабатывали деньги, а как только дверь за ними закрывалась, все, что касалось дома, находилось в ведении жен. Естественно, слово жены в таких семьях становилось решающим.

Поэтому женщины и геры деревни, как правило, отличались решительностью, практичностью и даже некоторой резкостью.

Недавно Цю Хэнянь передал управление всем семейным имуществом Цин Яню, что было явным знаком того, что теперь он официально отвечал за хозяйство. Сегодня Цю Хэнянь решил разделить добычу, принесенную с охоты, и, разумеется, предварительно спросил у Цин Яня согласия.

Цин Янь, конечно, возражений не имел, ответив:

— Скоро Новый год, нужно ходить по гостям и дарить подарки. Все сделаем, как принято.

Пожилая женщина, которой было около пятидесяти лет, оказалась старшей невесткой семьи кузнеца Вана, матерью Ван Хэяо. По дороге Цю Хэнянь предупредил Цин Яня, что когда они придут, ему лучше оставаться в телеге и не вступать в разговоры. Цин Янь тогда решил, что это забота о его застенчивости, но, встретив эту женщину, понял истинную причину.

Подумав немного, Цин Янь все же спросил:

— Ты так хорошо к ним относишься, а она кричит и ругается. Тебе не обидно?

Целая косуля, с кожей и мясом, если продать ее на рынке, могла бы обеспечить среднюю семью почти на полмесяца. А эти две большие рыбы и вовсе были редкостью для

деревенских столов.

Цю Хэнянь, толкая телегу, молча покачал головой. Только спустя некоторое время он тихо произнес:

— Я сделал все, что мог. Что думают другие — меня не касается.

Услышав это, Цин Янь слегка опешил, а потом с удивлением понял, что, возможно, впервые прикоснулся к чему-то сокровенному в душе Цю Хэняня.

Младший племянник Кузнеца Вана жил на западной стороне деревни, недалеко от их дома. Подъехав к нужному месту, Цю Хэнянь закатил телегу прямо во двор дома Ван Саньяо, а пса Эр Си привязал к забору.

Из дома, шаркая по полу тапками, выбежал молодой человек лет двадцати с небольшим.

Увидев их, он радостно бросился навстречу:

— Второй брат, вы что, только с гор вернулись?

Цю Хэнянь коротко кивнул, приветствуя его.

Молодой человек обернулся к Цин Яню, сдержанно улыбнулся и вежливо кивнул:

— Здравствуй, невестка.

Цин Янь почувствовал себя крайне неловко, но, как говорится, в Риме веди себя как римлянин, и он улыбнулся в ответ.

Пока они разговаривали, из дома вышла еще одна женщина, молодая, с громким голосом, еще более приветливая, чем Ван Саньяо. Она тут же стала приглашать гостей в дом. Цин Янь заметил около ее головы имя: У Цюнянь, жена Ван Саньяо.

У Цюнянь, увидев Цин Яня, тут же схватила его за руку и, увлекая внутрь, громко заговорила:

— Невестка, я с самого дня вашей свадьбы хотела к вам заглянуть, но мой Хэяо сказал: мол, вы только поженились, не стоит мешать. Вот я и терпела, не шла. А если бы вы сегодня не пришли, мы с Хэяо сами бы собрались вас навестить через пару дней!

Цин Янь никогда прежде не сталкивался с такой открытой и пылкой натурой. К тому же он не привык ощущать себя гермом в понимании этих местных обычаев. На миг ему даже пришлось в

голову, что между мужчиной и женщиной должно сохраняться пристойное расстояние, и он тут же весь напрягся, словно застыл.

Позади них шли Цю Хэнянь и Ван Хэяо. Увидев взгляд Цин Яня, обращенный к нему с мольбой, Цю Хэнянь ускорила шаг и почти вырвала его из рук У Цюнянь, мягко объяснив:

— Цин Янь из дома почти не выходит, он немного боится людей.

Однако У Цюнянь, казалось, совершенно не обращала на это внимания. Она тут же снова схватила Цин Яня за запястье и, крепко держась за него, увела его обратно, бросив через плечо:

— Какие люди? Мы же свои, все родные, тут нечего стесняться!

Когда они наконец вошли в дом, Ван Саньяо быстро рассадил гостей по местам, а У Цюнянь, словно буря, принялась хлопотать. В считанные минуты перед гостями оказались чай, суп, корзина, полная семечек, и даже леденцы, отложенные для ребенка. Хорошо, что Ван Няньшэн в этот момент играл с другими детьми на улице, иначе он бы точно разревелся, увидев, как обошлись с его любимыми сладостями.

Мужчины, неспешно попивая чай, разговаривали. Цин Янь некоторое время слушал их разговор, из которого понял, что они обсуждают предстоящие работы перед праздниками и дела в городке.

Закончив хлопоты, У Цюнянь подошла к Цин Яню и начала болтать с ним. При этом она понизила голос, чтобы никто не услышал:

— Вы ведь только что заходили к старшему в семью, так?

Цин Янь кивнул и, слегка удивившись, спросил:

— А как вы догадались?

У Цюнянь, словно собираясь закатить глаза, передумала, но все же выдавила из себя объяснение, шепотом проговорив:

— Да потому что второй брат всегда слишком мягкосердечен. Каждый раз, возвращаясь с гор, он первым делом идет к этой старой ведьме и тащит ей что-то...

Заметив, что выразилась резко, она поспешно добавила:

— Не подумай ничего дурного, невестка. Второй брат всегда делит все поровну: что старухе, что нам, ни больше, ни меньше.

Она вздохнула, словно извиняясь за свои слова:

— Просто мне обидно за него. Эта старуха с ее сынком — совершенно неразумные люди. Никакой благодарности, только ненависть к нему. Ну чем не двое белоглазых волков?

— Но почему? — с недоумением спросил Цин Янь.

На этот раз У Цюнянь не сдержалась и действительно закатила глаза, бросив:

— Да потому что они жадные! Когда второй дядя заболел, они даже не пришли его навестить. А второй брат в то время и за лавкой смотрел, и за отцом ухаживал. Каждый день вставал чуть свет и работал до ночи. А когда старика не стало, они явились требовать наследства! Причем хотели просто забрать кузницу задаром, словно сало ослепило им сердце*!

(ПП: означает «потеряли совесть». Из «Сна в красном тереме»)

У Цюнянь вздохнула и продолжила:

— Хорошо хоть, что второй дядя при жизни понимал, с кем имеет дело. Когда оформляли второго брата как приемного сына, все делали через чиновников, и записи в реестре есть. У них нет прав на наследство старика, но они все равно пытались поднять шум, выставяя второго брата просто приемышем. Год назад, когда поняли, что ничего не добьются, немного уgomонились. Но даже после этого второй брат выделил им лучшую часть из тех нескольких му земли, что остались от дяди. Каждый праздник что-нибудь отправляет. А как дело доходит до того, чтобы вернуть долг, — они и не думают!

У Цюнянь, все больше распаляясь, перевела дыхание и отмахнулась рукой:

— Эту землю ведь тоже собирались отдать нам половину. Я и Саньяо ничего не потребовали, ведь это изначально принадлежало нашему второму брату. Мы об этом даже не думаем.

У Цюнянь была общительной, раз начав говорить, ее уже было не остановить. Похоже, она давно накопила обиды на семью старшего брата.

Цин Янь, слушая ее, неожиданно задумался. Он подумал: «Кажется, я начинаю понимать, как рассуждает Цю Хэнянь».

У дома Ван Саньяо они выгрузили еще одну тушу косули и две рыбы. Цин Янь не забыл оставить и ежика. Радости У Цюнянь было даже больше, чем у Няньшэна, который пришел

позже. Теперь тележка стала заметно легче.

По пути Цин Янь осторожно рассказал о том, как Чэнь Юй приходил за мотыгой, и признался, что, возможно, невольно обидел того. Как он и ожидал, Цю Хэнянь не рассердился. Его лицо оставалось таким же спокойным, а глаза — тихими, как гладь озера:

— Он уже упоминал об этом раньше. Тогда я отказал ему, не ожидал, что он обратится к тебе.

Цин Янь удивленно посмотрел на него.

— Раньше, из уважения к соседским отношениям и потому, что господин Чжан человек порядочный, я сделал для него те два железных инструмента. Он не заплатил, я и не требовал. Но следующего раза не будет, я больше ничего для него даром не сделаю, — ответил Цю Хэнянь.

Цин Янь понял. В современных терминах можно было сказать, что в системе принципов Цю Хэняня каждому человеку присваивалась определенная «ценность» в соответствии с его собственными критериями. В рамках этой «ценности» он мог что-то отдавать или что-то получать, но за ее пределами — категорически отказывал.

К примеру, старший из семьи Ван мог получить землю, занять немного медяков или принять подарок на праздники. Это было то, что Цю Хэнянь считал подходящей компенсацией, соответствующей их «ценности». Но дом и кузницу, сколько бы они ни просили, он не уступил. Это уже выходило за рамки допустимого.

При этом «ценность» не оставалась неизменной. Когда старая матушка из семьи Ван так долго кричала и оскорбляла его, у Цю Хэняня не возникло никаких эмоций. Все потому, что в процессе его внутреннее представление об их ценности продолжало снижаться. Когда оно опустилось до нуля, эти люди перестали для него существовать. Тогда он сказал: «Я сделал все, что мог. Остальное меня не касается». После этого он больше ничего не давал.

Думая об этом, Цин Янь чуть расслабился. Цю Хэнянь оказался вовсе не таким бесхребетным добряком, каким он его считал. Быть хорошим человеком — это замечательно, но доброта без принципов рано или поздно оборачивается против самого человека. Цин Янь не хотел, чтобы Цю Хэнянь пострадал.

В то же время он задумался: а каково его собственное положение в системе «ценностей» Цю Хэняня? Неважно, насколько велика эта «ценность» сейчас, в будущем он хотел, чтобы она стала бесконечно большой!

Вернувшись домой, они застали полдень. Пообедали просто, накормили Эр Си и прилегли отдохнуть. Правда, заснуть вечером могло быть сложно, так что они просто лежали. Шторы и полог были задвинуты, и в кровати царила полутьма, словно наступила ночь.

Цин Янь лежал на кровати, глядя на потолок резного ложа. В слабом свете можно было рассмотреть сложные узоры. Когда-то эта кровать наверняка была изготовлена с большим мастерством.

Однако мысли Цин Яня витали совсем не в этих узорах. Он лежал в полумраке, слушая тихое дыхание рядом. Перед его глазами мелькала сцена вчерашнего вечера, когда он осмелился поцеловать этого человека...

<http://bllate.org/book/13590/1205175>